

«Я жил в Ленинграде в блокаду»

СТРАНИЦЫ ИЗ ДНЕВНИКОВ ВОЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА АРИФА САПАРОВА

Мы снова «закопались» в блокадных записях военного журналиста и писателя Арифа Сапарова, корреспондента фронтовой газеты «На страже Родины», издававшейся в Ленинграде. отличие от многих других дневников его герой — не сам автор, а люди, с которыми сталкивала автора журналистская судьба. Мы отнюдь не умаляем достоинства тысяч блокадных летописцев, просто бытовой дневник — это особый жанр, и, конечно, мы вчитываемся в самые скромные строки блокадных тетрадей. читывался и Ариф Сапаров. Но не в строки, а в людей, которых встречал. А встречать ему приходилось и простых героев, и подонков. Но каждый из них мог сказать про себя: «Я жил в Ленинграде в блокаду». О них — его записки. Мы решили уйти от хронологии записей, выстроив порядок страниц по смысловому развитию сюжетов.

СТРАНИЦА
ПЕРВАЯ

6 НОЯБРЯ 1941 ГОДА,
ЧЕТВЕРГ

Бомба упала, когда они слушали Москву

КАНУН ОКТЯБРЯ... Суров и сдержанно праздничен наш армейский город Ленинград. Пусть разрушена бомбой Мариинка, где проводились общегородские торжественные заседания (фугасная бомба попала в Театр оперы и балета им. С. М. Кирова 19 сентября 1941 года в 21 час 45 минут. Была разрушена часть зрительного зала. — *Ред.*). Пусть нет кумачового убранства на улицах и нет обычного оживления. Все равно нынче праздник.

Вчера нас здорово бомбили. Налеты начались часов с пяти вечера и закончились поздно ночью.

Сегодня с утра — артиллерийский обстрел. Бьют почему-то по бульвару Профсоюзков, по опустевшим безлюдным набережным. Над мостом Лейтенанта Шмидта с зловещим душераздирающим свистом рвутся осколочные снаряды.

Отвечают немцам «Киров» и другие балтийские корабли, стоящие на Неве. В общем, ради праздника у нас достаточно шумно.

Собрание редакционного коллектива состоялось в полдень. Против дверей редакторского кабинета поставили в коридоре накрытый зеленым сукном стол и несколько стульев. Бригадный комиссар сделал нам маленький доклад, минут всего на десять, добросовестно повторив то, что мы знали и без его доклада, а после был зачитан праздничный приказ начальника Политуправления — кому благодарность за отличную службу, кому новое воинское звание.

Все с нетерпением ждали вечера, когда должно было начаться торжественное заседание в Москве. Опасались, будет ли слышимость и дадут ли фашисты слушать.

Связались по телефону с Радиокomiteетом. Ответили нам весьма сдержанно: принимаются, дескать, меры, но помехи, к сожалению, слишком велики.

Помехи эти не атмосферные, помехи создает специальная служба гитлеровцев.

Фугасная бомба попала в Театр оперы и балета им. С. М. Кирова 19 сентября 1941 года в 21 час 45 минут. Фото ЛенТАСС.

Не знаю, как на других, а на меня они действуют угнетающе. Читает ли сводку московский диктор или исполняется «Богатырская симфония», вдруг из репродуктора слышишь свист, хрюканье, какие-то обрывки чужой речи. И сразу становится

тоскливо. Понимаю, что это психологическая война, но одного понимания подчас бывает недостаточно.

Заседание в Москве началось ровно в шесть часов вечера. Мы все опять собрались в коридоре, напряженно прислушиваясь и к докладу, и к тому, что происходит на Невском. Только бы не воздушная тревога!

Хрюканье и свист то усиливались, все заглушая голос Москвы, то немного стихали, чтобы через минуту возобновиться с новой злобной силой.

Затем в репродукторе что-то щелкнуло, и диктор сказал, что трансляция прекращается. Сказал он это виноватым, сконфуженным голосом, словно не немецкие бомбардировщики, а он сам был причиной срыва трансляции.

Воздушная тревога длилась минут сорок. И налет, судя по грохоту разрывов, был свирепым. Бомбили где-то неподалеку от нас. Сквозь цементный пол бомбоубежища в ноги явственно ударились тяжелые подземные толчки.

После отбоя мы успели дослушать конец торжественного заседания и привычный шквал аплодисментов. Все мы еще стояли у репродукторов, обмениваясь впечатлениями, когда зазвонил телефон.

— Что-о-о? Повторите еще раз! — кричал секретарь редакции в телефонную

трубку, сразу бледнея. — Сейчас едем! Все, кто свободен, все поедут!

Звонили из Петропавловской крепости. Прямое попадание бомбы в общежитие нашей типографской команды. Тяжелые крепостные перекрытия обвалились, люди засыпаны.

Спустя пятнадцать минут мы были в крепости. В промозглой темноте пахло битым кирпичом, едкими пороховыми газами и еще чем-то, чем непременно пахнет беда.

Изредка выглядывала из-за туч желтая луна, освещая угрюмые развалины, и вновь надолго скрывалась. Над городом гадостно выли немецкие самолеты.

Спасательные работы продолжались до утра. При тусклом свете керосиновых фонарей мы откапывали трупы наших товарищей. Погибли все шестнадцать человек.

Спасти никого не удалось. Бомба упала как раз в тот момент, когда они слушали Москву.

Обратно мы возвращались пешком.

Патруль на Дворцовом мосту окликнул нас, не разобрав, кто идет в столь ранний час. Старший патруля, молоденький лейтенант в короткополой шинельке, глянул на нашу грязную одежду, на наши измученные, горестные лица и, ничего не сказав, только махнул рукой.

Таким было утро праздника...

У репродуктора.
Фото ЛенТАСС.

